

Они были столь чисты, что считали бедность грехом, который им простят, стоит только заработать денег.

Из записной книжки Джеляля Салика

Если бы некто во время сна побывал в раю и дали б ему цветок в доказательство, что воистину душа его там очутилась, что молвил бы он, пробудившись и узрев цветок в руке своей?

Из черновиков Сэмюэла Тейлора Колриджа

Я рассматривал ее вещицы на туалетном столике: украшения, баночки, безделушки. Прикасался к ним, брал, подносил к глазам. Подержал в руке ее крохотные часики. Заглянул в платяной шкаф. Ее одежда, ее платья... Вещи, дополняющие каждую женщину, навеяли мне чувство невероятного одиночества и боли, и мне захотелось, чтобы она оказалась рядом.

Из черновиков Ахмета Хамди Танпынара

1

Счастливейший миг моей жизни

Если бы знать, что тот день окажется счастливейшим в моей жизни. А если бы даже я и осознал это, смог бы удержать свое счастье, чтобы потом все обернулось иначе? Думаю, да. Скажи мне кто-нибудь, что никогда больше оно не повторится, не упустил бы его. Мгновения счастья, исполненные золотым сиянием света, подарили всему моему существу чувство глубокого покоя. Вероятно, они длились несколько секунд, но тогда мне думалось, что нет им числа.

Это случилось в воскресный день 12 мая 1975 года. Часы отмерили без четверти три. На какой-то миг показалось, что земля избавилась от времени и силы притяжения, а мы стяхнули угрызения совести, освободились от раскаяния, боязни возмездия и сознания греха.

Плечо Фюсун было влажным от жары и страсти. Я поцеловал его и, обняв ее сзади, нежно проник в нее, легонько кусая ей мочку левого уха. Вдруг сережка Фюсун, в виде заглавной буквы ее имени, выскользнула из мочки, на миг будто воспарила в воздухе и упала на голубую простыню. Но нас так захватило счастье страсти, что мы совершенно не заметили ту сережку и продолжили целоваться.

За окном сияло солнце, какое бывает в Стамбуле только весной. На улице день ото дня становилось все теплее, хотя в домах и в тени деревьев еще чувствовалась зима

прохлада. Такая же прохлада исходила и от пропахшего старьем матраса, на котором мы нежились, беспечно позабыв обо всем на свете. Из открытой балконной двери подул весенний ветер, принесший в комнату ароматы моря и липы. Он поднял тюлевую занавеску и медленно опустил ее на нас, отчего мы оба вздрогнули.

Из окон крохотной комнаты на втором этаже, в которой стояла кровать, нам было видно мальчишек, гонявших мяч во дворе, согретом первым весенним солнцем. Они яростно бранились, и мы, заметив, что сами повторяем те же бесстыдные слова, на мгновение остановились и, посмотрев друг на друга, рассмеялись. Но наше счастье было таким огромным, таким безмерным, что мы тут же забыли о забавной шутке, которую принесла нам с улицы жизнь, как забыли и об этой сережке.

На следующий день Фюсун сообщила мне, что не может найти свою именную сережку. Признаться, я заметил ее в складках голубой простыни, но вместо того, чтобы положить на видное место, повинувшись какому-то внутреннему голосу, опустил ее в правый карман пиджака. Когда Фюсун сказала о пропаже, я засунул руку в карман висевшего на стуле пиджака: «Дорогая моя, вот она!» Однако сережка исчезла. Неожиданно меня сковало предчувствие надвигающейся беды, но память поспешила на помощь: с утра было жарко и я надел другой пиджак. «Она, наверное, осталась в нем».

— Пожалуйста, принеси завтра обязательно, только не забудь, эта сережка очень дорога мне, — серьезно сказала Фюсун, чьи бездонные глаза стали еще темнее.

— Хорошо.

Фюсун недавно исполнилось восемнадцать лет. Она была моей дальней и бедной родственницей, троюродной сестрой, о существовании которой еще две недели назад я даже не вспоминал. Мне же стукнуло тридцать. У меня вскоре намечалась свадьба с Сибель, с которой, по единодушному мнению стамбульского света, мы составляли прекрасную пару.

Случайные события, которым предстояло повлиять на мою жизнь, начались с того, что за две недели до описанного майского дня мы с Сибель увидели в витрине одного дорогого магазина сумку известной тогда марки «Женни Колон». Обнявшись, мы шли с моей невестой по проспекту Валиконак, наслаждаясь прохладой теплого весеннего вечера, немного хмельные и совершенно счастливые. За ужином в дорогом ресторане «Фойе», недавно открывшемся в нашем районе, самом фешенебельном в Стамбуле, Нишанташи, мы подробно рассказывали моим родителям о том, как идет подготовка к нашей помолвке. Ее назначили на середину июня, специально ради Нурджихан, подружки Сибель по стамбульскому лицее «Нотр-Дам-де-Сион», с которой они вместе учились в Париже. У самой дорогой и модной портнихи Стамбула, Ипек Исмет, Сибель давно сшила себе платье к помолвке. Тем вечером они с моей матерью обсуждали, как прикрепить к платью жемчуг, который мать собиралась подарить невестке. Мой будущий тесть часто говорил, что помолвка его единственной дочери должна по пышности не уступать настоящей свадьбе, и такие слова очень нравились моей матери. Отец тоже радовался, что женой его сына станет такая умница, как Сибель, ведь она училась в Сорбонне. В те времена во всех богатых и знатных стамбульских семьях было принято говорить, что дочь училась в Сорбонне, если она что-то когда-то изучала в Париже.

После ужина я повел Сибель домой. Нежно обнимая ее за крепкие плечи, с гордостью думал о том, как же мне повезло и как я счастлив. И вдруг Сибель воскликнула: «Ах, какая сумка!» Хотя от вина немного плыло в глазах, я сразу запомнил и сумку на витрине, и магазин, а на следующий день отправился ее покупать. Я никогда не охотился за женщинами, никогда не стремился понравиться им во что бы то ни стало, осыпая избранниц изящными

подарками и при каждом удобном случае посылая букеты. Хотя в глубине души, наверное, и мечтал стать столь утонченным ухажером.

Надо сказать, что в те годы богатые и европеизированные стамбульские домохозяйки, скупавшие от безделья в роскошных особняках Шишли, Нишанташи или Бебека, открывали не картинные галереи, как сейчас, а магазины модной одежды для таких же богатых и скупающих домохозяек, как сами. Там торговали до смешного дорогими вещами, сшитыми турецкими портнихами по картинкам из французских журналов вроде «ELLE» и «Vogue», а также безделушками и аксессуарам, часто поддельными, которые скупались по дешевке в Париже или Милане и в огромных чемоданах привозились в Турцию. Много лет спустя я разыскал владелицу модного магазина, в витрине которого Сибель заметила в тот вечер сумку. Шенайханым¹ напомнила мне, что она, оказывается, тоже, как и Фюсун, наша дальняя родственница по материнской линии. Без лишних вопросов о причинах столь чрезмерного интереса ко всем старым вещам, связанным с «Шанзелизе» и Фюсун, она отдала мне все предметы, которые сохранились у нее от магазина, вплоть до вывески, и мне подумалось, что многие минуты пережитого бывают запечатлены в памяти гораздо большего числа людей, чем мы можем себе представить.

Около полудня следующего дня я открыл дверь «Шанзелизе», и маленький бронзовый колокольчик, в форме верблюда, двумя молоточками возвестил о моем приходе, издав тихий звон, от которого сердце у меня колотится быстрее до сих пор. Стоял жаркий весенний полдень, а в магазине царил прохладный полумрак. Сначала я решил, что здесь никого нет. Только потом заметил Фюсун. Глаза еще привыкали к темноте, когда меня вдруг будто жаром обдало.

¹ *Ханым* — госпожа, вежливое обращение к женщине. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Здравствуйте, — сказал я. — Хочу купить сумку с витрины, — и подумал: «Какая красивая девушка! Навероятно красивая!»

— Кремового цвета, «Женни Колон»?

Наши взгляды встретились.

— Ту, что на манекене, — пробормотал я как во сне.

— Понятно, — улыбнулась она и направилась к витрине. Одним движением сняла с левой ноги желтую туфельку на высоком каблуке и, шагнув босой ногой с ярко-красными ногтями в витрину, потянулась к манекену.

Я посмотрел на брошенную туфельку, а потом на длинные стройные ноги Фюсун. Было только начало мая, но ее длинные и стройные ноги уже покрывал легкий загар. Коротенькая желтая кружевная юбка на молнии, в мелкий цветочек, казалась от этого еще короче.

Она взяла сумку, слезла с витрины, надела туфельку, подошла к прилавку и, расстегнув длинными ловкими пальцами молнию основного отделения (внутри лежала калька кремового цвета), с весьма серьезным и даже таинственным видом продемонстрировала еще два отделения поменьше (там было пусто) и скрытый карман, из которого показался листок бумаги с надписью «Женни Колон» и инструкция по уходу. Мы опять посмотрели друг на друга.

— Здравствуй, Фюсун. Ты меня не узнала? Как ты выросла!

— Нет, Кемаль-бей, я узнала вас сразу, но подумала, что вы меня не помните, и решила не беспокоить вас напоминанием.

Воцарилось молчание. Я опять заглянул в сумку, которую она только что так тщательно мне показывала. Что-то в этой девушке взволновало меня: то ли ее красота, то ли слишком короткая по тем временам юбка, и я чувствовал неловкость.

— Э-э-э... чем ты занимаешься?

— Готовлюсь к поступлению в университет. Сюда вот хожу каждый день. Знакомлюсь здесь с разными интересными людьми.

— Понятно. Сколько за сумку?

Насупившись, она посмотрела на небольшую этикетку, на которой от руки было выведено: «Тысяча пятьсот лир». (В те времена это равнялось полугодовой зарплате любого молодого специалиста.)

— Я уверена, Шенай-ханым с радостью сделает вам скидку. Но сейчас она ушла домой на обед. После обеда она ложится поспать, и звонить нельзя. А вот если вы зайдете вечером...

— Не важно, — перебил я и величественным движением, которое впоследствии Фюсун часто будет комично изображать во время наших тайных встреч, вытащил из заднего кармана брюк бумажник и пересчитал влажные купюры.

Фюсун старательно, но неумело завернула сумку в бумагу и положила в пакет. Пока она упаковывала, мы оба молчали, однако ей доставляло удовольствие, что я люблюсь ее длинными руками, ее золотистой кожей, ловкими, изящными движениями. Она вежливо протянула мне пакет, и я поблагодарил ее. «Передавай привет тете Несибе и своему отцу». (На мгновение имя Тарык-бея вылетело у меня из головы.) Потом я еще больше смутился, потому что вдруг представил, как обнимаю Фюсун и целую ее в губы, и быстро направился к двери. Фантазия показалась мне дурацкой, да и Фюсун вовсе не такой уж и красавицей.

Колокольчик на двери звякнул опять, и я услышал, как где-то внутри магазина отозвалась трелью канарейка. На улице мне стало спокойнее. Я был доволен, что купил подарок своей любимой Сибель, и решил раз и навсегда забыть про Фюсун и ее магазин.

3

Дальние родственники

Но сохранить встречу с Фюсун в тайне мне не удалось. За ужином я рассказал матери о сумке, внезапно добавив, что встретил нашу дальнюю родственницу.

— Ах да, Фюсун, дочь Несибе?! Она работает тут неподалеку, в магазине у Шенай. Вот бедная девочка! — вздохнула мать. — Они теперь уж и на праздники к нам носу не кажут. Все конкурс красоты! Всегда говорила: дурное тем же и оборачивается! Когда хожу мимо ее магазина, даже здороваться не хочется с бедняжкой! А ведь ребенком я так ее любила! Раньше ведь Несибе шила мне платья, вот дочку с собой и брала. Пока примерка, то да се, Фюсун с вашими игрушками возилась. Подумать только... И ведь какой строгой была мать Несибе, ваша покойная тетя Михривер!

— Кем они нам приходятся?

Отец смотрел телевизор и не слушал нас, так что мама (ее зовут Веджихе), не скрывая гордости, в деталях поведала о родственных хитросплетениях. Когда ее отцу (то есть моему дедушке Этхему Кемалю), родившемуся в один год с Ататюрком (основателем республики) и ходившему с ним в одну и ту же начальную школу, мектеб Шемсиэфенди¹ (что подтверждала одна старинная фотография, найденная мною много лет спустя), исполнилось всего-навсего двадцать два года (а происходило это за много лет до свадьбы с бабушкой), он поспешно женился. Избранница его — юное создание родом из Боснии — и приходилась прабабушкой Фюсун. Она погибла во время Балканской войны, при эвакуации гражданского населения из Эдирне. У несчастной не было детей от Этхема Кемаля, но до него она уже побывала замужем за одним нищим шейхом, за которого ее отдали совсем ребенком, «чуть ли не в младенческом возрасте», как выразилась мама, и от этого брака у нее родилась дочь Михривер. Тетю Михривер (бабушку Фюсун) воспитывали какие-то посторонние люди, но она и ее дочь Несибе (мать Фюсун) почему-то считались нашими дальними родственницами. Мать требовала, чтобы мы называли их «тетями». Жили они неподалеку от мечети Тешвикие, в одном маленьком переулке.

¹ *Эфенди* — господин, сударь, вежливое обращение к мужчине.

Но внезапно отношения между нашими семьями испортились, мать держалась подчеркнуто холодно во время их ежегодных праздничных визитов, и они перестали у нас появляться. Причиной отчуждения оказалась именно Фюсун. Два года назад — тогда ей только-только исполнилось шестнадцать лет и она была ученицей женского лицея Нишанташи — Фюсун приняла участие в городском конкурсе красоты. Тетя Несибе не только не воспротивилась столь смелому шагу дочери, но и, как впоследствии нам рассказали, якобы даже поощряла ее. Мать почувствовала себя глубоко оскорбленной, что тетя Несибе, которую она некогда любила, точно младшую сестру (разница в возрасте составляла у них двадцать лет), и которой покровительствовала, нисколько не смущается и даже гордится таким позором.

Но и тетя Несибе очень любила и уважала мать. В молодости, не имея богатых клиенток, она, заручившись рекомендациями моей матери, начала обшивать многих состоятельных дам.

— Они были невероятно бедны, когда Несибе занялась шитьем, — вспомнила мать. И тут же добавила: — Но разве только они? Все, все без исключения...

В те годы мать советовала тетю Несибе своим подругам как «очень хорошего человека и отменную портниху» и раз в год (а то и два) приглашала ее к нам сшить платье к чьей-нибудь свадьбе.

У нас я встречал ее редко, так как почти все время проводил в школе. Однажды, в конце лета 1957 года, мать пригласила Несибе к нам на дачу в Суадие: ей срочно понадобилось сшить платье к свадьбе друзей. До глубокой ночи мать и Несибе, смеясь и подшучивая друг над другом, точно нежно любящие сестры, колдовали над швейной машинкой «Зингер», уединившись в маленькой дальней комнатке на втором этаже. Оттуда из окон, через просвет листьев пальм, виднелись море, лодки, катера и мальчишки, нырявшие с пристани. И я помню, как обе они, обложившись ножницами, булавками, сантиметрами, напер-

стками, обрезками ткани и кружев из швейной коробки Несибе с классическими видами Стамбула, жаловались на жару, комаров и сетовали, что не успевают закончить к сроку. Помню, как повар Бекри постоянно носил в ту маленькую душную комнату стаканы с лимонадом, потому что двадцатилетней Несибе, ждавшей ребенка, постоянно хотелось кислинки, а мама за обедом всегда говорила повару наполовину в шутку, наполовину всерьез: «Беременной женщине нужно давать все, что ей хочется, иначе ребенок получится некрасивый!» — и я с интересом смотрел на распухший живот тети Несибе.

— Несибе все скрыла от мужа и отправила дочку на конкурс, прибавив ей лет, — раздраженно сказала мать, еще больше сердясь. — Хвала Аллаху, девочка не победила, и это спасло их семью от позора. Узнали бы в школе, точно выгнали бы... А теперь она уже закончила лицей, хотя вряд ли толком чему-то научилась. Все знают, что за девушки участвуют в такого рода конкурсах и как потом складывается их жизнь. Она хотя бы с тобой прилично себя вела?

Мама намекала на то, что Фюсун наверняка встречается с мужчинами. Похожую сплетню я впервые услышал от помешанных на девчонках приятелей по Нишанташи, когда фотография Фюсун появилась в газете «Миллиет» среди фотографий победительниц конкурса. Но столь постыдная тема была мне и тогда совершенно не интересна.

Воцарилось молчание, и мама вдруг, подняв указательный палец, назидательно произнесла:

— Будь осторожен! У тебя скоро помолвка с замечательной и очень красивой девушкой! Лучше покажи мне сумку, которую ты ей купил. Мюмтаз! — (Так зовут моего отца.) — Смотри, Кемаль купил Сибель сумку!

— В самом деле? — с интересом в голосе спросил отец. На его лице появилось выражение искренней радости, будто он хорошенько разглядел подарок и рад, что его сын с любимой невестой счастливы. Но так и не оторвал глаз от телевизора.

Любовь в директорском кабинете

В телевизоре, от которого не мог оторвать глаз отец, мелькала реклама «первого турецкого лимонада „Мельтем“ с соком спелых фруктов». Его вся Турция получала с фабрики моего приятеля Заима. Я пригляделся, ролик получился что надо. Отец Заима тоже был фабрикантом, которому, как и моему отцу, удалось приумножить свое состояние за последние десять лет, поэтому Заим с легкостью затевал новые смелые дела. Я радовался, что моему другу везет в том, над чем и мне приходилось полоть голову.

Я некоторое время жил в Америке. Изучал там в университете азы управления предприятием, потом вернулся обратно. Отслужил в армии, и отец пожелал, чтобы я, как и старший брат, занялся делами фабрики и создававшихся вновь предприятий. Так вышло, что я стал генеральным директором одной из созданных нами фирм, «Сат-Сат», занимавшейся продажей и экспортом текстиля. Контора находилась недалеко от дома, в Харбие. Бюджеты ее постоянно разрастались, как и увеличивались доходы, но не благодаря моим директорским усилиям, а в результате ловких бухгалтерских комбинаций, позволявших переводить прибыль фабрики и иных предприятий в «Сат-Сат». Днями напролет я общался с моими опытными трудолюбивыми подчиненными — сотрудниками, бывшими лет на двадцать-тридцать старше меня, и сотрудницами, обладавшими внушительным бюстом и годившимися мне в матери. Поскольку директорское кресло мне досталось по настоянию отца, основная моя обязанность заключалась в том, чтобы учиться у подчиненных всем тонкостям дела.

Сибель, с которой мы собирались обручиться, приходила ко мне по вечерам на работу, и после того, как старое здание конторы, дрожавшее от каждого проскользнувшего

мимо утомленного автобуса или троллейбуса — а их проезжало немало, — покидал последний человек, мы занимались любовью в моем директорском кабинете. Хотя Сибель считала себя «современной» девушкой, набравшись в Европе феминистских идей о правах женщин, иногда она говорила: «Давай перестанем встречаться здесь, я чувствую себя секретаршей!» Видимо, ее мнение о секретаршах не очень отличалось от расхожего, какого придерживалась, например, моя мать. Когда на кожаном диване у меня в кабинете мы с ней предавались любви, я ощущал некоторую ее сдержанность, но чувствовал, что причина этой сдержанности крылась в типичной боязни турецких девушек начинать интимную жизнь до замужества.

В те годы молодые представительницы богатых европеизированных семейств, поучившись в Европе, изредка нарушали запрет, связанный с девственностью, и отдавались своим возлюбленным. Сибель гордилась, что она из таких «передовых» и «смелых» девушек, поскольку сблизилась со мной одиннадцать месяцев назад. (Мы встречались уже порядочно времени, и явно пришла пора пожениться!)

Признаться, сейчас, по прошествии стольких лет, мне не хотелось бы преувеличивать смелость моей невесты, как и умалять силу общественных устоев, давивших на женщин. Ведь Сибель отдалась страсти только тогда, когда поняла, что «может мне доверять», то есть убедившись сполна в серьезности моих намерений — в том, что я на ней женюсь. А так как я считал себя человеком ответственным и честным, я действительно собирался взять в жены Сибель, чего мне и правда очень хотелось. Но даже если б вдруг у меня появилось желание дать деру, общество не позволило бы мне бросить ее, потому что девушка «подарила мне свою невинность». Бремя ответственности несколько омрачало другое чувство, связывавшее нас: обманчивую иллюзию, что мы — «свободны и современны», поскольку занимаемся любовью до свадьбы.

Неловкость я испытывал, когда замечал тревожные намеки Сибель на то, что нам давно пора пожениться. Но бывали и минуты безоглядного, беспечного счастья. Помню, как однажды, обняв ее в полумраке кабинета и слушая доносившийся снаружи шум автобусов и машин с проспекта Халаскяр-гази, я думал, что мне повезло и теперь до конца дней моих будет только это чувство.

5

Ресторан «Фойе»

Иллюстрированное меню, рекламку, фирменные спички и салфетку ресторана «Фойе», которые составили дорогие моему сердцу предметы музея любви, я раздобыл спустя много лет. Ресторан этот, устроенный на французский манер, едва открывшись, вскоре превратился в излюбленное место встречи состоятельных людей из богатых районов Стамбула: Бейоглу, Шишли и Нишанташи. (Их газетчики в колонках светских сплетен насмешливо именовали «сосьетэ».) Владельцы роскошных, в европейском духе, ресторанов не стремились давать им громкие и торжественные названия вроде «Амбассадор», «Мажестик» или «Роял», а скромно нарекали «Кулисами», «Лестницами» или «Фойе». Эти названия, навевавшие нечто европейское, в то же время напоминали, что находимся мы лишь на окраине Запада, в Стамбуле. Прошло время, и новое поколение богачей снова предпочло домашнюю еду, какую готовили их матери. И сразу повсюду появились «Каравансарай», «Султаны», «Паши» и «Визири», где традиционная еда соединялась с типично восточной помпезностью, а все «Фойе» и «Кулисы» забылись и быстро исчезли.

Вечером того дня, когда я купил сумку, за ужином в «Фойе» я предложил Сибель:

— Давай встречаться в маминой старой квартире, в «Доме милосердия»? Может, так будет лучше? Там вид из окон на красивый сад.

— Ты что, торопишься, боишься до свадьбы не успеть, пока мы не переедем в наш собственный дом? — улыбнулась Сибель.

— Нет, дорогая, не тороплюсь.

— Не хочу больше встречаться с тобой тайком, будто я твоя любовница и в чем-то виновата.

— Ты права...

— Откуда тебе вдруг пришло в голову такое?

— Забудь. — Я поспешил сменить тему.

Вокруг гудела веселая толпа посетителей «Фойе». Я вытащил пакет с подарком.

— Что это? — удивилась Сибель.

— Сюрприз! Открой посмотри.

— Ой, подарок! — Детская радость, засиявшая на ее лице, когда она брала у меня пакет, сменилась выражением недоумения, когда Сибель вытащила сумку, а потом уступила место разочарованию, которое она попыталась скрыть.

— Помнишь, — поспешно объяснил я, — вчера ты увидела ее в витрине?

— Спасибо. Ты очень внимателен.

— Рад, что тебе понравилось. Эта сумка к помолвке.

— К сожалению, я давно решила, что возьму на помолвку, — ответила Сибель. — Не обижайся! Ты такой заботливый, и подарок чудесный... Только вот... Я все равно не взяла бы эту сумку, потому что она — подделка!

— Как это?

— Это не настоящая «Женни Колон», милый мой Кемаль...

— Откуда ты знаешь?

— По всему видно, милый. Смотри, как пришит лейбл. А теперь посмотри на настоящую сумку «Женни Колон», которую я купила в Париже, — видишь, какая строчка! «Женни Колон» не напрасно считается самой дорогой маркой во всем мире, а не только во Франции. У подлинной никогда не будет таких дешевых ниток...

Глядя на швы настоящей сумки, я начал раздражаться оттого, что моя будущая жена выговаривала мне все это

с видом торжествующего победителя. Иногда Сибель ощущала неловкость, что она — дочь потомственного дипломата, который спустил до нитки все состояние и земли, доставшиеся в наследство от дедушки-паши. Поддаваясь подобным чувствам, она принималась рассказывать, что ее бабушка по отцу играет на пианино, а дедушка выступал соратником Ататюрка во время освободительной войны или что ее дед по матери был приближенным Абдул-Хамида¹. Мне она очень нравилась в эти мгновения, и я привязывался к ней еще больше. Что касается нашего семейства — Басмаджи, то мы разбогатели в начале 1970-х годов, когда возросли объемы производства и экспорта турецкого текстиля, население Стамбула увеличилось в три раза, а цены на землю в городе и особенно в нашем районе поднялись в несколько раз. Хотя, как явствовало из самой фамилии Басмаджи², уже три поколения в нашей семье занимались текстилем. Однако, несмотря на результаты славного труда предков, меня раздосадовала допущенная оплошность: дорогая сумка оказалась явной подделкой.

Сибель погладила меня по руке и спросила:

— Сколько ты заплатил за нее?

— Полторы тысячи лир. — Я не смог соврать. — Если тебе она не подходит, завтра поменяю.

— Не надо, дорогой мой, лучше попроси вернуть деньги. Ведь тебя здорово надули.

— Хозяйка магазина Шенай-ханым наша дальняя родственница! — возмущенно сказал я, изображая негодование, и принялся опять рассматривать сумку изнутри.

Сибель взяла ее у меня из рук. «Милый, ты такой грамотный, такой умный, такой образованный, но совершенно не знаешь, на какой обман способны женщины», — умиленно улынулась она.

¹ Султан Абдул-Хамид II (1842–1918) — предпоследний, 34-й султан Османской империи, правивший с 1876 по 1909 год.

² *Басмаджи* — в переводе с турецкого «печатник», «набивщик ситца».

На следующий день я вновь направился в бутик «Шанзелизе» с тем же пакетом в руках. Опять зазвенел колокольчик, и опять передо мной открылся прохладный полумрак магазина. Внутри царил таинственная тишина, и я подумал, что тут нет ни души, как вдруг раздалась канареечные трели. На ширме, стоявшей за огромным цикламеном, показалась тень Фюсун, помогавшей какой-то полной клиентке выбирать наряды. Теперь на ней была прелестная блузка в цветочек — гиацинты, васильки и мелкие листики, — которая очень ей шла. Завидев меня, она мило улыбнулась.

— Ты, наверное, занята, — показал я взглядом в сторону примерочной.

— Подождите минуточку, — загадочно улыбнулась она, словно собираясь поведать старому клиенту все секреты магазина.

Канарейка прыгала по клетке, я засмотрелся на модные журналы и всякие европейские вещицы, но ничто не увлекало меня. Смятение чувств не давало покоя: мне казалось, будто я знаю эту девушку очень давно и так же хорошо, как себя. Я вдруг вспомнил, что в детстве у нас обоих были темные вьющиеся волосы, а когда мы подросли, они и у меня, и Фюсун распрямились. На миг мне даже почудилось, что я мог бы вполне заменить ее. Шелковая блузка прекрасно подчеркивала нежный тон кожи Фюсун и светлые пряди ее крашенных волос. Сердце зацарапало от боли, когда я вспомнил, как мои приятели называли ее «штучка из „Плейбоя“». Неужели она встречалась с кем-то из них? «Отдай сумку, заberi деньги и уходи. У тебя скоро помолвка», — велел я себе. И посмотрел из окна на улицу, в сторону площади Нишанташи, но вскоре на стекле появилось, словно призрак, отражение Фюсун.

Когда полная дама, долго мерившая платья, ушла, тяжело вздыхая, так ничего и не купив, Фюсун принялась раскладывать наряды по местам.